

Сергей Волков

43 сюжета для Антона Павловича

*Эпистолярный
материал,
рассказывающий
о некоторых
сторонах жизни
народов
Советского Союза*

Сергей Волков

**43 сюжета для Антона
Павловича. Эпистолярный
материал, рассказывающий
о некоторых сторонах жизни
народов Советского Союза**

«Издательские решения»

Волков С.

43 сюжета для Антона Павловича. Эпистолярный материал, рассказывающий о некоторых сторонах жизни народов Советского Союза / С. Волков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900076-7

Во все времена и в любые эпохи проживают маленькие незаметные личности со своими скромными жизненными притязаниями. Имя им легион. Вот таких маленьких Героев и объединил автор в книге с необычным названием. Сюжеты незамысловаты, бесхитростны, лаконичны и почти документальны. Не исключено, что в одном из персонажей читатель увидит себя или знакомого.

ISBN 978-5-44-900076-7

© Волков С.

© Издательские решения

Содержание

О себе, о родителях и о книге	6
Предисловие перед сюжетами	8
Сюжет первый	10
А вот второй сюжет	11
А пока сюжет третий	12
Второй вариант предисловия	13
Сюжет четвертый	14
Отрывок из официального выступления	15
Сюжет пятый	16
Сюжет шестой	17
Разговор в электричке	18
Сюжет седьмой	19
Сюжет восьмой	21
Сюжет девятый	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

43 сюжета для Антона Павловича Эпистолярный материал, рассказывающий о некоторых сторонах жизни народов Советского Союза

Сергей Волков

*Посвящается родителям:
Волкову Павлу Кирилловичу и
Волковой Валентине Яковлевне*

© Сергей Волков, 2017

ISBN 978-5-4490-0076-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

О себе, о родителях и о книге

Волков Сергей Павлович родился в Киеве 29 ноября 1939 года в среду, в день православного праздника в память апостола и евангелиста Матвея, на Евбазе (еврейский базар), а точнее на улице Гершуни. А теперь ближе к делу, за чтение.

Немного объясним посвящение. Мать автора – Валентина Яковлевна Васильева (из рода Егоровых). Род Егоровых, Волковых и Васильевых настолько сложен, что, начав рассказывать об этом многоветвистом генеалогическом древе, мы запутаемся в его пролетарских ветвях.

Кстати, дорогой читатель, в руках вы держите необыкновенную книгу, вообще, по содержанию эти сюжеты напоминают телефонный справочник. Вам кто-то говорит, а вы ему ответить не можете, а номера все видите. На одной из страниц имеется послесловие, где советский критик Белинский высказал свое мнение о данном произведении: «Увы, ни один советский толстый журнал, да и тонкий, не возьмется опубликовать эти сюжеты!» Таков был вердикт.

На тот день государству, издававшему тонкие и толстые журналы, оставалось существовать еще семь лет.

Но вернемся к нашему автору и его родителям. Валя Волкова на день рождения сына работала разметчицей в чугунно-литейном цехе на заводе «Большевик». Отец автора был токарем на этом же машинно-строительном предприятии, но не простым токарем, а бригадиром комсомольской бригады имени «Сакко и Ванцетти».

Молодой разметчице Вале в то время было 22 года, столько же было и государству, где происходили главные события. Валя очень гордилась, что родилась вместе со страной в судьбоносном 1917 году. Должны же пролетарии чем-то гордиться.

Стоило автору Сергею Павловичу появиться на свет 29 ноября 1939 года в среду, как в четверг белофины напали на нашу Родину. Павел Кириллович Волков бросил свою комсомольскую бригаду имени «Сакко и Ванцетти» и пошел защищать свою Родину. Маленький Сережа остался с мамой в Киеве. Детство, скажем, было не самым безмятежным. В общем, как в песне поется: «Киев бомбили – нам объявили»...

Сережа рос без детских садиков, на живописных развалинах, которые оставались после бомбёжек. В дальнейшем маме и сыну в анкетах пришлось оправдываться, почему лучшие годы они провели на оккупированной территории. У Павла Кирилловича биографические данные после 41-го года тоже получились «подмоченные». Ему пришлось оправдываться, как он с 21 июня из Равы-Русской в 1944 году добрался до норвежского города Торнтхейма и почему он не дождался освобождения доблестными советскими войсками, а был освобожден какими-то союзниками. Часто спрашивали, что он делал под Львовом, Киевом и Харьковом. Но это дела минувших дней. Все-таки рано или поздно Павел Кириллович добрался до столицы Киевской Руси, отвел маленького Сережу в школу, а сам ушел в геологи. И, надо сказать, геологическая работа принесла положительный результат. На львовщине Павел Кириллович нашел бурый уголь, из него в будущем будут добывать сланцевый газ, а под Желтыми водами и вообще повезло – нашли уран, который можно добывать открытым способом. Черпай сколько хочешь! А уран, сами знаете, на какие полезные изделия годится.

– Ну, папа, человечество тебе скажет спасибо! И за сланцевый газ, и особенно за уран.

– А что было делать? – вздыхал отец, – нашли то, что надо было. Не строить же дорогу в вечном Заполярье.

Еще немного о самом произведении «43 сюжета для Антона Павловича». Какой-нибудь читатель может возразить: «А почему автор не поделился этими сюжетами с Алексан-

дром Сергеевичем, или с Николаем Васильевичем, или с Львом Николаевичем? А особенно обрадовался бы этим черно-белым схематичным сюжетам Федор Михайлович». Увы, автор выбрал в собеседники Антошу Чехонте. «В детстве у меня не было детства» – часто повторял Антон Павлович. И этой фразой он подкупил нашего автора.

А напоследок... Все отлично знают, что Волга впадает в Каспийское море, лошади едят овес, а в СССР были такие звания: Герои Социалистического труда и Герои Советского Союза. А сейчас в наших сюжетах вы познакомитесь с героями, которые не попали в правительственные наградные списки. Наши герои отметились в других памятных списках. В общем, у каждого своя судьба. Каждый несет своё крест. Приятного вам чтения.

Сергей Волков

Предисловие перед сюжетами (первый вариант)

Вот уже, наверное, скоро можно отметить круглый юбилей по поводу того, как Лев Николаевич Толстой сделал заявление, посвященное творчеству, или, правильнее сказать – писательскому делу. Привожу цитату дословно:

«Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича и Марью Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

Писатели (а они еще есть, напрасно сомневался Лев Николаевич) продолжают заселять чистые страницы Иванами Ивановичами и прочими Марьями Петровнами. Почему? Может, ничего значительного и интересного не происходит, и ничего нельзя наблюдать, чтобы затем рассказывать? Не скажите. В чем же дело?

Правда, иные любят оглянуться назад и описать, как там было. Другие норовят заглянуть вперед: а как там будет? А вот оглянуться в сию секунду по сторонам... А может, нет такого метода – «документализм»?

Нет же, есть что-то сегодняшнее, но это журналистика с вечным нашим героизмом, проблематизмом, схематизмом, портретизмом и т.д., и получилось раздвоение. В художественной книге живет один герой, в прессе действует другой герой, и им никогда не встретиться. А сейчас я предложу массу героев, вернее – действующих лиц, которые попросту живут.

Правда, перед сюжетами я приведу несколько эпитафий. Пусть они будут как бы ключиком к сюжетам.

Итак, эпитафия первый:

«Запомните мой завет: никогда не выдумывайте ни фабулы, ни интриг. Берите то, что дает сама жизнь. Жизнь куда богаче всех наших выдумок! Никакое воображение не придумывает вам того, что даст самая обыкновенная жизнь».

Ф. М. Достоевский

Как похожа мысль Федора Михайловича Достоевского на высказывание Льва Николаевича Толстого. Жаль, что два классика при жизни так никогда и не встретились. Вышеприведенную мысль записала Ольга Починковская. В дальнейшем в книге будет много цитат. Я не буду приводить источников, чтобы не загромождать книгу различными именами, фамилиями. Да и что такое речь человека? Даже первое «мама» – это уже и есть наша первая позаимствованная цитата, взятая навечно у мамы.

Второй эпитафия:

«...Мы живем в серое время, серые, лишенные оригинальности люди действуют вокруг нас и своею массой затирают немногих выдающихся людей. Но эта полоса должна пройти».

Это я вычитал в книге Анатолия Федоровича Кони «Отцы и дети судебной реформы». Товарищество И. Д. Стыдина опубликовало эту книгу в 1914 году. Мир выиграл в первую мировую войну.

Третий эпитафия:

«Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда».

А. П. Чехов

Это из одного письма, которое увековечил Антон Павлович Чехов. Такое мышление было у отставных урядников. Думаю, надо напомнить, что это за люди такие были – урядники. Да ладно, кто если забыл голос урядника, пусть заглянет в энциклопедию.

И еще один эпиграф. Возможно, да оно так и будет, такое напечатают в одной из газет ХХХ века. Как жаль, что нас уже не будет, но почему бы не пофантазировать. Итак...

«Сегодняшний год для археологов выдался весьма „урожайным“. Найдено при раскопках в центре северного города Н. Сорок три эпистолярных документа, каждый из них бесценен, так как таит в себе большую информацию о жизни и культуре наших предков. Надо сказать, что информация довольно неожиданная, и при сопоставлении с официальными литературными источниками чувствуются большие расхождения с имеющимися представлениями о быте и жизни наших предков. Найденные документы открывают, так сказать, неофициальную сторону медали прошлой жизни наших предков».

Исторический альманах «Дело наше прошлое».

Сюжет первый

Привет из Сычевки!

Добрый день или вечер!

Здравствуй, сынок Вася. С приветом к тебе: отец, Тома, Иван Иванович и я – мама. Шлем тебе свой горячий привет и массу наилучших успехов в твоей молодой жизни, а самое главное – здоровья.

Вася, меня интересует, почему тебя перевели в другую камеру? Надо слушаться, а не зубастить с начальством. Помни, что мы все желаем тебе не худого, а лишь хорошего.

Вася, ты ведь знаешь Славку Курагаевца? Так вот, он выбил отцу два зуба и порушил ему вообще весь организм. А дело было так. Мы с отцом дежурили на ферме. Они пришли с Иваном Марковым. Конечно, выпимшие. Просили три рубля. Отец им не дал. Славка схватил отца за грудки и дважды нанес ему удар по лицу.

А вчера нас допрашивали. Я все рассказала, как было. Говорят, будет суд.

Я хотела его простить. Но тебя никто не прощал, а даже наоборот. Пусть и он посидит. Вася, пиши больше о себе. Вот получу деньги и вышлю бандероль с куревом.

Пока до свидания.

К сему мама. Целуем все.

Вот и первый сюжет. Письмо. И остальные сюжеты тоже будут в письмах. Конечно, почитать подряд без передыху еще 42 письма скучно и неинтересно. Чтобы не было такого однообразия, я решил между сюжетами делать небольшие развлекательные вставки. Отвлекающая информация. Вот мы мельком взглянули в газету, или что-то услышали по радио, или, будучи на кухне, пережевывая, бросили усталый взгляд на голубой экран и немного отвлеклись. Вот такого рода вставки между сюжетами, и скажу честно, что все они взяты из наших информационных изданий. В общем, сделаны при помощи ножниц. Много интересных фактов окружает нашу жизнь. Чтобы особо не нагружать эти отвлекающие вставки, я не буду сообщать и указывать, где и когда я услышал ту или иную информацию, но ручаюсь, что все достоверно, как и первый сюжет, который только что прочли. Все верно, ничего не изменено. А то обычно авторы предупреждают, что фамилия и имена изменены, а место действия – вымышленная Зоненландия. Нет, все наше, все отечественное в этих сюжетах.

Все средства массовой информации только и заняты тем, чтобы сообщить нам архисвежее, архиинтересное, архизанимательное, архиувлекательное, архитвлекательное, архистопроцентную правду. Таким архи... и является наш первый сюжет – письмо. К сведению читателей, только ежегодно почтафоны мира переносят в своих сумках 164 миллиарда писем. А в письмах люди не врут, будем надеяться.

А вот второй сюжет

Привет из Тюрино.

Здравствуй, брат!

Письмо от тебя получили, за которое большое спасибо. Сообщаю тебе лично, что Нинке суда еще не было, но скоро будет, и засудят ее, как пить дать.

Здоровье у всех ничего. Да, ты пишешь, что там у вас зима уже. В чем ты там ходишь? Ведь ты поехал во всем летнем. Не мерзнешь ли? Я детей отправила в санаторий. У нас сейчас теплынь. На днях мы все ездили проведать твою. Ездили мать, батя и я. Поиграла с племянником. Димка у тебя отличный парень. А твоя что-то хромает, где-то ногу подвихнула. Да, что там у тебя случилось? И почему тебя из больницы выгнали? И лечат ли сейчас? Напиши подробно. Ну, пока все, новостей больше нет. Сестра Наталья.

Вот видите, уже два письма сюжета. А судачат, что с искусством письма что-то произошло. Телефон якобы разрушил эпистолярный жанр, но ведь у нас еще не стопроцентная телефонизация, да и к тому же есть еще такие места, куда звонить не положено. А тем более оттуда. Так что есть еще письма, по которым можно представить себе эпоху.

А пока сюжет третий

Село Чугуново.

Здравствуй, Федор!

С приветом к тебе и массой наилучших пожеланий твои ближайшие родственники: сын Леша, мама и я.

Получила твои два письма, за которые очень благодарю, и пишу ответ.

Живем мы по-старому. Здоровье у мамы такое же. Лешка учится. Я работаю. Пожалею, и все новости. Всю субботу убирала на огороде. Жгла ботву. Хозяева решили засадить половину. Вчера ездили на делянку. Заготавливали дрова. Помогали Серега, Санька и Валюха. Напилили, а вывозить нельзя. Дороги совсем развезло. Управляюсь с посадкой картошки и займусь ремонтом дома. Дом совсем валится. Возле дома надо тоже вскопать и засеять мелочью. В общем-то, на этой неделе света белого мне не видать. Если хочу иметь что-нибудь на зиму. Но погода еще холодная. Надо бы, чтобы потеплело. Да. Симон и Ванька вернулись домой. Ванька лучше не стал.

Вот у меня все. Федя, ты ничего последнее время нового не пишешь. Обещают что-нибудь в этот раз? Будет, говорят амнистия. Может, в этот раз что-то выгорит?

Второй вариант предисловия

Если бы был первый вариант предисловия, то, по-видимому, есть и второй.

«Мне кажется, что со временем вообще перестанут выдумывать художественные произведения. Будет совестно сочинять про какого-нибудь вымышленного Ивана Ивановича или Марью Петровну. Писатели, если они будут, будут не сочинять, а только рассказывать то значительное или интересное, что им случилось наблюдать в жизни».

Лев Николаевич Толстой

Но, как бы там ни размышлял Лев Николаевич Толстой в своем свинцовом прошлом о нашем прекрасном далеком, еще никому не стало совестно сочинять про Ивана Ивановича и так далее. И самое главное, что эти действующие лица становятся все более и более безликими. Литературная плотва, если перевести на язык ихтиологов. В то же время личность писателя становится все более рельефной и монументальной. Вот-вот, глядишь, и начнут ставить писателям при жизни бронзовые подгрудья. В произведениях дегероизации, а в творческом союзе полнейшая героизация.

Странно, но почему же творческая славная литературная братия не прислушалась к классику и не рассказывает просто о том замечательном, что случается наблюдать в жизни. Может, нечего наблюдать? И больше ничего не происходит? Происходит. Ведь в каком замечательном тысячелетии мы живем. Итак, следующий сюжет.

Сюжет четвертый

Здравствуй, Коля!

Письмо твое получили. На мое можешь не отвечать, так как ответ не успеет прийти. Ведь срок-то твой кончился. Дождались. Это был и наш срок.

Немного о нашей жизни. Пока все в порядке. Погода чудесная. Все работают. За три дня все оделось в зелень. Зацвела черемуха. Не хочется заходить в дом. На огороде засадили все. Копали руками. Устали немного. Загорели. У меня спина болит. Наверное, будет слезить кожа. У ребятишек загорели лица.

Получили письмо от Али. Она разошлась со своим Яхмо. Так и пишет, слава богу, отделалась. Она просила разузнать про маляра, а он ведь уехал в Афганистан. Но сама Аля сейчас едет отдыхать в отпуск загорать в Гуд ауту.

Николай, я за тобой обязательно приеду и привезу все, что необходимо из одежды. Последние дни идут очень медленно. Не знаем, как и день скоротать. Сильно ждут.

Сегодня я только на порог, а Оленька кричит: «Папа письмо прислал!» Всегда радуется.

Это последнее мое письмо. Скоро увидимся. Яне завтра три годика и три месяца. Когда тебя везли, то ей и трех месяцев не было. Как быстро все. Вкладываю в конверт веточку черемухи, а то приедешь, и не застанешь. Отцветет. Впереди.

Отрывок из официального выступления

(магнитофонная запись)

ХРИПЛЫЙ ГОЛОС: За короткий период сюда прибыло семь тысяч человек. И далеко не все едут к нам из романтических побуждений. Приезжает такой контингент, который вносит особый диссонанс в общий характер в комсомольско-молодежной ударной стройке. И мы призваны ликвидировать весь сюда поступивший элемент. Что нам и удастся за счет взаимодействия всех служб отдела и местного населения. И надо сказать, что нам удастся добиться высокого процента раскрываемости преступлений.

Вот, к примеру, один из видов нашего взаимодействия:

21 декабря сего года была совершена кража двух кур из местной птицефабрики. На место преступления прибыл участковый С. Кизилев. Осмотрев место происшествия и допросив очевидцев, участковый пошел по следу и быстро вышел на преступника. Похитителем оказалось неоднократно судимое лицо, Золотарев, который проживал в вагончике, расположенном рядом с птицефабрикой. Личность Золотарева была застигнута в тот момент, когда похищенные куры уже находились в кастрюле. Участковый Кизилев решил задержать преступника и с поличным доставить в отделение. Золотарев же отказался следовать за Кизилевым. Преступное лицо закрылось в вагончике и продолжало варить куриный бульон из государственной птицы. Кизилев принял решение остаться на страже, чтобы преступник не скрылся, а сам попросил гражданку Мотину сообщить в отдел, чтобы прислали подкрепление для задержания.

Вот здесь мы видим образчик взаимодействия правоохранительных органов с населением.

На помощь участковому Кизилеву выехала оперативная группа захвата в составе старшины Лимонова и водителя Абрикосова. Прибыв на место, усиленный наряд открыл двери вагончика, и все увидели стоявшего напротив них преступника с топором в руках. На требования народа преступник опустил топор вниз и поставил его около себя. В машину следовать Золотарев отказался, мотивируя тем, что куриный бульон еще не готов. (Оживление в зале. Аплодисменты.)

На этом микрофонная запись прерывается.

Сюжет пятый

Здравствуй, братишка!

С большим солдатским приветом и массой наилучших братских пожеланий. Как ты уже догадался, пишет тебе твой братец Вольдемар. В первых строках моего небольшого письма хочу сообщить пару слов о своей службе. Начну с того, что служба идет хорошо. На здоровье не жалуюсь. Короче, ты служил и знаешь, как служится деду. Если протянул срок в полтора года. Короче, сейчас ничего не делаю, если выразиться прилично.

Недавно был в командировке. Ездили тут к ним в центр. Всю дорогу бухали с местными туземцами. Пошарились по городу. С паспортом посетили магазин. Солдатам ведь водку не продают. Тоже еще, колониальные порядки. Так мы местного прапора послали. Короче, он взял пива и водки. Короче, съездили как надо. Постоянно, когда езжу по командировкам, то обязательно бухаловка. Вот так и прослужил в наших колониальных войсках. Весь год то и делал, что ездил по командировкам. Насмотрелся, как люди живут, послушался музыки. И фильмов нагляделся, таких, каких в нашей деревне и во сне не увидишь.

Короче, вначале была мысль пойти на прапора учиться, но потом передумал. Дома все-таки лучше. На этого куса учиться шесть месяцев, а потом пять лет труби. Многие, правда, остаются. В основном из-за тряпок. Но они мне и на хрен не нужны. Мне хватит того, что с собой привезу.

Ну, что тебе еще написать? Из дома пишут редко. Батя за весь срок два письма прислал. Леха Боровой пишет. Он тоже здесь рядом в колонии. У него то же все окей.

Ну, вот, наверное, и все. Пиши. Твой братец Вольдемар.

Сюжет шестой

Привет из Лебедевки!

Не знаю, что это даст читателю, но для окраски надо сообщить, что в данной Лебедевке находится самая крупная психиатрическая областная больница.

Здравствуй, Вениамин! С приветом к тебе вся твоя семья. Жена Фарида и дочери Валя и Галя. Мы все живые и здоровые. Как твое здоровье? Как ты живешь?

Вениамин, ты все-таки добился и спрятался там, где тебя нам не достать. А оттуда ты и совсем нам ничего не шлешь. Я имею в виду алименты. У тебя была большая задолженность. Ты писал, что как вылечишься, то вновь вернешься в семью, а сам взял и, не долечившись, сбежал из ЛТП. Звал меня в Захаровск. Я туда направилась. Поиздержалась, а там тебя и след простыл. В своих письмах ты очень красиво писал, что любишь детей. Но это только на словах, а на деле выходит совсем другое.

Конечно, я понимаю, что ты соскучился по своей Голубице и сбежал к ней. И сейчас не сходишь с ума без своей женичины. Ведь оттуда, где ты сейчас, так легко не сбежишь. Ночами не бесишься? Когда у меня был, так сон не шел. Все ночами бесился. Проходит уже год, как ты там. Наверное, тяжело без своей Голубицы? Напиши хоть, сколько дали. Чтобы знать, когда приготовить тебя встречать. Заедешь ли?

Зачем Валю обманул? Обещал девочке часы купить. Ты знаешь, она такая больная. А ты сыграл на ейных нервах. Жду ответа. Привет от внуков Толяни и Вовика.

Разговор в электричке

(разумеется, разговор под стук колес, электричка не то чтобы бешено, но мчится от станции к станции).

– Слушай, а Есенин сидел?

– Нет.

– А Высоцкий?

– Нет.

– Ну а Шукшин, наверное, точно сидел?

– Нет.

– А что же они все о зеках пишут и рассказывают?

– Дело все в том, что вокруг них все почти сидят. Ну, кто сидит, то, тому, конечно, писать некогда по техническим причинам: то чернила не подвезут, то бумага слишком мелованная, то конвертов нет. Вот поэты и прозаики немного уделяют места в своем творчестве тем, кто, как ты говоришь, «сидит». А сесть нетрудно. Посчитай, у нас мы (народ) выбираем для себя где-то двенадцать тысяч народных судей, и надо сказать, что они работают на совесть, это тебе не хлопок собирать или там какие-то дыни выращивать. И вот, каждый судья народный, если в день по одному человеку засадит, то это ужасная цифра выйдет. Округлим триста рабочих дней, 12 тысяч судей. Двенадцать тысяч на триста, это уже ужасная цифра. Получается три миллиона шестьсот тысяч человечков. Ладно, шестьсот тысяч отбросим, остается три миллиона, а если в среднем каждому дали по три года отсидки, то это выходит, что персонал народного суда организовал для государства рабочую силу в девять миллионов человеколет. И так из года в год, из года в год... и все тихо, все в порядке. Да никакой фараон, который строил себе египетские усыпальницы, и не мечтал о таком удобном органе, чтобы ему так бескровно поставляли рабскую силу. Девять миллионов человеколет. А теперь эту цифру помножить на цифру, сколько лет эта система работает. Надо сказать, что работает безотказно. А в оные времена вообще работала без сучка и задоринки. То вот мы и получили цифру, из которой ясно, что в среднем отсидке подвергалось большое количество населения. И немудрено, что в творчестве Есенина, Высоцкого, Шукшина чувствуется, что отдает, так сказать, колючей проволокой.

Сюжет седьмой

Здравствуй, мой дорогой Георгий!

Получила твое письмо.

Сегодня седьмое июня. У нас получка. Получила я семь рублей. Даже и не знаю, куда и на что их потратить. От твоих родственничков ничего нет. А четвертого я ездила к маме. У нее ведь в эти дни пенсия. Приехала, а они как раз перед моим приездом последнюю копейку допивали. За день пропили 57 рублей. Ты себе представить не можешь. Мамка спьяну плачет и причитает – запиновались и тебя, мол, позабыли. А кто же обо мне помнить будет? Ребятишки маленькие, еще ничего в жизни не понимают. Они играют, бегают. Им ни до чего дела нет. А я с ума схожу. К тебе приеду не свидание 25 сентября. Как раз буду с ночной смены. И впереди свободные три дня. Ребят с собой не возьму. Ведь сколько надо еды на всех брать. А где ее взять? А сами как-нибудь переберемся помаленьку.

Ну, что еще писать? Вроде бы все, что у меня накопилось на душе, рассказала.

Ну, а как ты сам поживаешь? Со здоровьем как-то? Ребята по тебе соскучились, все спрашивают, когда ты вернешься из командировки. Я отвечаю, что скоро. Я тоже соскучилась, но знаю, что твоя командировка не скоро кончится.

Приду с работы усталая и не знаю, за что братья. Сяду и сижу. Вот в этом мы с тобой сейчас похожи. Какой же ты все-таки ненормальный. Не смог прожить по-человечески две недельки.

На какие группы вы делите людей?

Ну, если просто, то людей делят на сов и жаворонков. Разделить такую людскую массу, пусть усвоят, кто есть кто, и раздать одним проса, а другим мышей. И того и другого хватит всем, и никому не обидно. А откуда же тогда берутся орлы, вороны, зяблики? С ними-то как быть? А с певчей братией – соловьи, кенари, чижики? А говорящие волнистые попугайчики? Нет, птичье деление не подойдет. Разве что по темпераментам: холерик, сангвиник, флегматик, меланхолик. Но ведь каждый с точностью не знает, кто он. И сангвинику кажется, что он холерик, а флегматику ужасно хочется быть меланхоликом, а еще с большим желанием он бы выдал себя за сангвиника. Отсюда и дисгармония, которая на производственной сфере дает сбой.

Еще люди делятся по принципу занимаемого места на иерархической производственной лестнице. Рабочий, крестьянин, интеллигент. Ну, а там, в свою очередь, как удалось взять эту лестницу, хватило или не хватило масла в голове, был ли трамплин, или там еще какая-нибудь мохнатая рука. Или там на всякий случай способность или родительская добрая или недобрая наследственность. И тут уже может быть классный рабочий, колхозник-орденоносец, писатель, деятель государственный, ученый, академик.

Нет, все это не то. Люди просто делятся по принципу даты рождения, как машины: даты выпуска и все. Дата выпуска, допустим, год рождения царствования Ивана Грозного – и все ясно, этому человеку, будь он сова, жаворонок или там глухарь какой, в нашу систему не вписаться ни за что. Ну, во-первых, материальная часть уже пришла в негодность, и нечего рассуждать. А вот взять нынешних существующих субъектов, тут разделение в настоящее время такое: те, кто помнит еще дом Романовых – это ярые монархисты, но таких уже теоретически и практически нет, есть, может, где-то, но у них уже большой износ компьютерной части. Затем идут дети октября, эти родились под залп «Авроры», интересная категория. Третьи – это дети коллективизации. Эти родились в тридцатые годы и всегда готовы рассказывать, как они собирали колоски на колхозных полях и как они сусликов ловили. Четвертые – это довоенный выпуск. Родились за день до войны. Это заманчиво, но выжить трудно.

Этот тип увидел развалины и сразу же блеск салютов. И этим приходится жить в эдаком раздвоенном мире. Пятые – сытые дети послевоенного восстановления народного хозяйства. Эти делают вид, что сыты, но наесться никогда не могут.

Но все это весьма относительно.

Со временем, как первая группа уходит в небытие, ее место занимает вторая группа. В общем, все передвигаются. И вот, как-то мне один из группы 111 и говорит (эдакий философ):

– У меня такое представление, что нас в мире никто не любит. У нас все хорошее и все самое лучшее, и вообще, никто на свете не умеет так смеяться и любить. У нас лучшая в мире конституция, и не одна. У нас все лучшее, лучшее. А вот чувствую, что не любят, а почему, не пойму.

Да, придется оставить его вопрос без ответа, а самим перейти к следующему сюжету.

Сюжет восьмой

Здравствуй, Леня!

С горячим приветом к тебе мама, папка, братья и сестры Олег, Костя, Шура и Лена. Сразу же хочу сообщить, что доехала хорошо. Приехала, и как раз меня догнало письмо от твоего начальства. Пишут, что тебе положена посылка. Получу аванс и сразу вышлю. Только после встречи с тобой не знаю, что лучше выслать. Фуфайку или продукты. Без фуфайки колотун тебе, а без продуктов дистрофия. И то и другое плохо. Леня, напиши, что тебе нужнее.

От Вовки писем еще нет. И мы не можем тебе сообщить его адрес. Леня, я ходила на прием к вашему начальнику, он пообещал, что тебя переведут на легкий труд.

Ну, все. Целуем. Слушайся. Теперь тебе в год можно получать две посылки. Это...

Как же раньше люди жили? Ни тебе газет, ни тебе телевизора, ну, в общем, никакой что есть информации. А сейчас, ужас. Вот иногда промелькнет какая-нибудь фраза, и целый день ходишь сам не свой. И все время мысль сверлит, один вопрос. Ну зачем так безбожно? Ну ясно, что по ту сторону полный ажур, ну зачем же по ту сторону так безбожно?..

А вот одна из таких фраз, а может быть, так и было с кем-нибудь: «Поженившись, она легла в его постель. Среди разговора о вселенной, прижимаясь к нему, она была счастлива, что он у нее не как все. Первая размолвка произошла у них в разговоре о партии».

Правда, цитата вырвана из контекста, и даже непонятно, где и когда это происходит, в какой стране, о какой партии идет речь. Но прочтешь этакое и думаешь, если так мыслит герой, то за кого же автор принимает нас.

Сюжет девятый

Маленькая трагедия.

Валя Синельникова убила своего мужа поленом. Сейчас она уже находится в отделении под следствием в тюрьме. Где-то на майские будет суд. Дадут ей, по-видимому, много. У нее ведь считается умышленное убийство. Следствие доказало, что полено у нее было заранее заготовлено. Так, почитай, у нас в деревне каждый потенциальный убийца, так как у каждого есть поленища, а в ней сотня-другая орудий убийства. Валя получит лет десять. Умышленное убийство у нее статья.

Муженек у нее пил добряче. В один из вечеров пришел пьянее пьяного, ну она его в сердцах и хватанула поленом. Хватанула, а сама убежала. Утром, как обычно, ворочается, а он уже и задубел. Не хотела она этого, но так уж получилось. Видно, судьба. Что теперь уж поделаешь.

Что самое главное для человека? Ну, это, самое главное с какой стороны посмотреть. Разумеется, человек не животное и для счастья человеку много надо. Самое главное, ужасно хочется самоутвердиться. Во все времена и эпохи человеку надо идти в ногу со временем. Правда, потом, спустя века, мир узнает, что человек, да и все человечество, шагало то ли не в ногу, или не с той ноги все встали поутру. А те, кто шагал, оказывается, правильно, то современники их не рассмотрели. И правильно шагавшим все ноги оттоптали.

И еще вопрос: что человек во все времена и эпохи очень ценит? Ну, там, свобода, братство, демократия и тому подобное... Но это все слова, и к тому же уже все вышеперечисленные понятия абстрактны. И пощупать их невозможно, и даже представить себе трудно. Ну, что надо было человеку во времена, например, рабовладельческого строя? Даже, наверное, и не знали, что живут в самой из несправедливых эпох. И в те времена самое главное было, чтобы в рабы не зачислили. Ну, а если уж не повезло, то не очень-то грустить, и всегда помнить, что впереди много еще формаций, ну, там варвары, средневековье, и уверовать, что кое-кому отольются еще рабские слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.